

Генрих КНИЖНИК

МЫ С БРАТОМ И РЫЖАЯ

Генрих Соломонович Книжник

Мы с братом и Рыжая

Серия «Сами разберёмся!»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69946648

*Г. С. Книжник. Мы с братом и Рыжая: АО «Издательство «Детская литература»; Москва; 2021
ISBN 978-5-08-006489-0*

Аннотация

Казалось бы, что необычного может преподнести близнецам Лёше и Илье лето на даче. Но удивительно, сколько может случиться приключений, если на рыжую соседку-задаваку открыли настоящую охоту и только братья могут помочь распутать сложный клубок из краж, поддельных документов и бандитских разборок! Ах да! Этой истории не было бы, если бы один из братьев не влюбился в эту Рыжую!

Для среднего школьного возраста.

Генрих Книжник

Мы с братом и Рыжая

© Книжник Г. С., 2021

© Курбанова Н. М., иллюстрации, 2021

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2021

* * *

Мы с братом получили в наследство дачу от папиной тётки, старой коммунистки. Они с нашим папой всегда ужасно ругались из-за политики, когда встречались на семейных праздниках.

Тётка при встрече сразу заявляла, что демократы продали Россию Америке, а что осталось – растащили. Папа молчал, только наливался кровью, а потом взрывался и кричал, что растащили не демократы, а её драгоценные коммунисты, после перестройки сразу же ставшие демократами. Для того и перестройку устраивали. Тётка синела и кричала папе, что такие, как он, – предатели, Сталина на них нет, но партия им ещё покажет! А папа кричал, что её партия никогда и никуда не вернётся и что она может забыть о своих партийных пайках, спецбуфетах и закрытых санаториях. Такой крик стоял каждый раз – ужас. Оттого тётка и перестала ходить к нам, а мы к ней. С ней только наша мама общалась, она у нас всех прощает. Нас с Ильюшкой прощала бы почаще... И ещё заставляла нас с братом звонить тётке, спрашивать, как она себя чувствует, поздравлять с днём рождения, Новым годом и всеми бывшими праздниками. А нам что, нам не жалко, тётка она вообще-то хорошая и рассказывает про свою молодость интересно. А потом она умерла, и мама плакала, а папа долго ходил мрачный.

А через месяц нам пришло письмо, что я и брат получили в наследство от папиной тёти её дачу и можем в ней жить сколько хотим, но продать или подарить не можем, пока мы не женимся и у нас не появятся свои дети. А сейчас мы должны прийти куда-то с родителями и «заявить о своих правах на наследование».

Когда почтальон принёс нам это письмо, мы были дома

одни, а впускать в дом всяких водопроводчиков, электриков и прочих незнакомых нам было строго-настрого запрещено. Но почтальон сказал, что письмо адресовано Алексею и Илье Дубровиным и мы должны расписаться в его получении. Мы с братом никогда ещё не получали писем, за которые надо было расписываться, а если честно, то и вообще никогда не получали, одни только записочки в классе. И мы решили приоткрыть дверь на цепочке, взять письмо и бумажку, на которой надо расписаться, а потом так же в щёлку отдать.

Почтальон ушёл, а мы с Ильюшкой смотрим на письмо в толстом коричневом конверте, помираем от любопытства и боимся открыть. А вдруг в нём споры страшной бактерии – сибирской язвы?! Вон в Америке сколько людей поумирало от таких писем! Видели мы это в новостях на днях. Я предложил подогреть письмо на сковородке или в микроволновке, чтобы убить в нём всех микробов, но Ильюшка не согласился: вдруг это такое письмо, что его после нагрева нельзя будет прочитать! Тогда я умру от любопытства, а он, Илья, будет очень из-за этого страдать. Ага, страдать. Это он умрёт от любопытства, а я буду страдать. И мы решили позвонить папе и спросить у него. Ильюшка набрал номер папы на работу, сказал про письмо, потом недолго слушал, вздохнул и положил трубку.

– Папа сказал, что травить нас, дурачков, никому не нужно, а если боимся, то можем дождаться его или маму. С письмом, если его положить на стол и не трогать, ничего за это

время не случится, а нам полезно посидеть и потерпеть. Давай открывай!

Когда мы прочитали письмо, то совсем обалдели. Мы – и вдруг хозяева целого дома и участка в десять тысяч квадратных метров! А папа с мамой – нет! Они пока только опекуны-управляющие. Вот это да!..

Мы про эту дачу знали, но не были там ни разу: папу тётка не приглашала, мама одна к ней ездила, а я с младшим братом поехать, конечно, не могли. Кто бы нас отпустил одних? Да и не очень интересно: ну, дача, ну, участок, что мы, дач не видели, что ли? У Витьки Гольдштейна были и у Наташки Седовой. Дом как дом, как квартира в Москве, только больше и с маленьким участком, как скверик. Но сейчас, когда дача наша собственная!.. Ух!

Мы тут же позвонили папе и маме и сказали, что письмо оказалось очень важным и нужно, чтобы они сейчас же ехали домой. Они потребовали, чтобы мы прочитали им письмо по телефону, но мы отказались. Пусть помучаются. Папа заявил, что наши штучки он знает и задаст нам, когда придёт домой, а мама пришла сразу и, прочитав письмо, села. Посидела, глядя на нас с Ильёй, – мы даже заволновались, – и позвонила папе. Тут и он прибежал, прочитал письмо, тоже долго молчал, потом вздохнул и сказал:

– Дожил. Я уже управляющий при имении своих сыновей. И мама тоже вздохнула.

Тут мы с Ильюшкой стали кричать, что надо срочно ехать

смотреть наши владения, а то там кто-нибудь поселится, бомжи какие-нибудь, или соседи переставят забор и отхватят у нас пол-участка! Сколько раз по телику рассказывали про такое! У них потом сто лет обратно своё не отнимешь! Надо ехать сейчас же или, в крайнем случае, завтра с утра! Но папа сказал, что эта неделя у него очень загружена, что он и так потерял полдня по нашей милости, поэтому мы поедем на дачу только в пятницу после работы. И чтобы мы с братом не вздумали поехать туда одни. Тогда нам лучше будет домой не возвращаться, а остаться там жить и самим зарабатывать себе на жизнь здоровым трудом на свежем воздухе.

Мы с Ильюшкой чуть не свихнулись до пятницы, а когда она наступила, папа всё никак не приходил с работы. Мы звонили ему, говорили, что он это делает нарочно, – ничего не помогало.

Наконец он пришёл, сказал, что очень устал и что давайте лучше поедem на дачу завтра. Утром, рано-рано, по холодку и по свободным дорогам. Но тут мы встали стеной! Знаем мы это «рано-рано»! Проспит до одиннадцати, до часу провозится, выедем не раньше трёх. Нет уж, обещал – делай, сам нас учил! Выспаться можно и на даче. А мы обещаем, что будить его не станем, пусть спит хоть до вечера. Мы в это время будем осматривать своё владение. Папа собрался было рассердиться, но мама поглядела на него, и он сдался. И мы стали собирать вещи.

Мы выехали, когда солнце уже садилось. Долго ехали, потом долго искали нужную улицу, так что, когда добрались до дачи, было уже темно. Мы с братом заснули в машине, мама нас с трудом растолкала, быстро постелила нам на каких-то топчанах, и мы отключились.

Утром мы, конечно, проснулись первыми, выскочили из комнаты и чуть не ослепли! Солнце было яркое-яркое, небо – синее-синее и совсем близко, не то что в Москве, а на нём два маленьких облачка, как ватки. А вокруг – ну просто джунгли: большущие деревья, кусты, цветы. И всюду трава, местами выше нас с Ильёй. Дорожки и те сквозь трещины

в плитках заросли травой. Наша «девятка» стояла по окна в траве.

И тут я на одном дереве увидел маленькие-маленькие, совсем зелёные яблочки. Наши яблоки! На нашем дереве! Захочу и сорву, ни у кого не спрашивая. И я сорвал одно, куснул и аж передёрнулся – такое оно было кислое. Ильюшка, конечно, захохотал, а ведь если бы он увидел их первым, схватил бы и сразу сунул в рот, я его знаю.

Мы быстро обежали весь участок. В дальнем углу, у самого забора, была уборная: деревянная будка, старая, даже покосилась чуть-чуть, а в дверях окошечко сердечком. Хихи, сердечком! А внутри было пыльно, тепло и очень уютно, висели пучки какой-то травы, наверное, чтобы хорошо пахло, совсем высохшие и не пахучие, но всё равно внутри не пахло ничем, не то что в нашей школьной уборной. А в другом углу участка был бак на четырёх столбиках с душем и дырками в полу. А к баку вела лесенка, наверное, чтобы наливать в него воду вёдрами. Ух ты, как в древности! Вокруг душа были густые высокие кусты, но всё равно надо будет велесть папе, чтобы сделал стенки, хоть по шейку высотой. Ну, ладно, не велесть, а попросить.

А ещё была беседка, очень красивая, с шестиугольной крышей на шести столбах, с полом, низенькими стенками и скамейками вдоль них, тоже старая, а в ней разохшийся стол. И был настоящий колодец – бетонное кольцо с вóртом над ним и ведром на тонком тросе, а закрывала коло-

дец крышка на новеньком замке. Это уж родители постарались, чтобы мы туда не свалились, если встанем раньше них. Когда успели? Они нас всё ещё считают несмышлёнышами, особенно мама. Ха! Если нам очень понадобится, вывинтим винты на петлях и откроем крышку, а замок как был, так и останется. Только зачем он нам, этот колодец, если на участке есть водопровод? Вон, труба с краном торчит из земли. А ведь из этой трубы можно протащить шланг к баку в душе, и не надо будет таскать по лестнке вёдра! Хорошо я придумал! А вокруг всего участка деревянный забор, хоть тоже старый, но высокий и плотный, без щелей, и от этого на участке очень уютно: никто не глазеет – ходи в чём хочешь, делай что хочешь.

Мы вернулись к дому и стали его разглядывать. Он был бревенчатый, с высокой серой крышей, а из крыши торчала труба, значит, есть печка, это хорошо. Зимними вечерами будем сидеть у печи, подкладывать поленья, смотреть в огонь и думать о чём-нибудь. А у ног будет лежать большой мохнатый пёс и тоже думать о чём-то своём. А на улице будет мороз, и снег, и круглая большая луна. Здрово! Собаку надо будет завести обязательно. И что это тётя выдумала: продать дом, когда мы женимся! Никогда мы его не продадим!

А ещё у дома была большая закрытая терраса с мутными стёклами, крыльцо с перилами и окошко под крышей. Внутри – две комнаты, кухня и лестница наверх, а там ещё две комнаты: одна маленькая, другая – побольше, только

недостроенная, в ней лежали какие-то доски, листы фанеры, гвозди и ещё много всякого. И почему-то два здоровых красных огнетушителя. Почему здесь, а не в сарае? А-а, всё равно. Решено: второй этаж будет нашим личным пространством.

Мы спустились вниз. Мама с папой ещё спали. Ильюшка сказал, что хочет есть, и я вдруг почувствовал, что тоже просто умираю от голода. Будить родителей было нельзя: обещали дать им спать, сколько захотят. И мы ещё не умывались...

Мы пошли на кухню: вдруг там есть кран, но его не было. Зато на полу было ведро с ковшиком, а на табуретке таз и мыльница с новым куском мыла. И два полотенца на спинке стула. Это мама, конечно: она про мытьё сыновей никогда не забудет. Ильюшка заныл, что холодной водой мыться отказывается, — дома он моется только тёплой, как девчонка, — но я пожал плечами и сказал, что если хочет, пусть ходит грязный, как бомж, а я обязательно умоюсь целебной колодезной водой. А брат пусть польёт мне из ковшика.

Вода была жуть какая холодная, но я знал, что потом станет очень хорошо, и сказал брату, что он трус и ему должно быть стыдно. Я даже попросил, чтобы он осторожно полил мне на спину. Он так и сделал, а потом вдруг перевернул ковшик, и вода хлынула и на спину, и на пол, и сзади в трусы. У меня аж дух захватило, а Илья сразу заверещал, что он не нарочно, и кинулся бежать. Но я-то его знаю с рождения и зачерпнул ковшом из ведра, рванулся за ним и воткнулся

головой в папин живот, а вода из ковшика, конечно, выплеснулась папе на тапки. Папа крикнул, ухватил меня за ухо и стал неторопливо разглядывать лужу на полу, мои мокрые трусы и свои тапки. Я закрыл глаза. Папа посопел некоторое время надо мной, отпустил ухо и велел вытереть лужу, подобрать мыло и отнести таз с водой в душевую. Я было заикнулся, что это всё Ильюшкины дела, но папа опять засопел, и я взялся за тряпку. А Илья, как всегда, увернулся. Умеет, гад. Ничего, придёт и моё время...

Я дотёр пол, вымыл руки, достал из нашего чемодана чистые трусы брата, а свои, мокрые, кинул ему на подушку, нашёл папу, сказал ему, что хочу есть и нечего морить родных детей голодом, и пошёл искать Илью. Как я и ожидал, возле дома его не было. Ясно, прячется. Ещё лучше, найду где-нибудь на участке подальше от дома и там объясню ему, насколько он был не прав. Я обежал весь участок – нигде.

Ага, калитка приоткрыта: спасается на улице. Поймаю сразу – получит, убежал далеко – закрою калитку на засов. Начнёт стучаться – открою и встречу. Никуда не денется. Я вылетел за калитку – и обалдел! Прямо напротив нашего участка, просто улицу перейти, стоял настоящий замок. Высоченная длинная стена с воротами и по углам настоящие башни с узкими окнами. Ворота огромные, а в них ещё дверь с окошком. А над воротами – башенка с золотым куполом, крестом и иконой. Ну прямо как рыцарский замок, только всё было не грубое, каменное, серое, как в кино про рыцар-

скую старину, а белое, гладкое, под яркими зелёными крышами, очень красивое и чистое. И всюду по верхнему краю торчали кронштейны с фонарями и видеокамерами.

Я увидел Ильюшку – он стоял с распахнутым ртом, и я понял, что у меня тоже отвисла челюсть. Я захлопнул рот и ткнул брата в бок. Он очнулся, повернулся ко мне и спросил:

– Это что, музей?

– Вряд ли, – ответил я. – Музей был бы старый и облезлый, и у входа висела бы доска с названием и расписанием работы, а возле неё было бы окошко кассы. И это точно не крутая фирма – там тоже висело бы что-нибудь у входа, и была бы автостоянка для сотрудников с будкой и здоровенной мордой в ней. Может быть, это дача какого-нибудь нефтяного барона или штаб-квартира какой-нибудь политической партии? Например, тёткиных коммунистов: дачный посёлок-то был их. А-а... может быть, это дом какой-нибудь мафии.

Илья помотал головой.

– Ничего себе соседи... – удивлённо протянул он, и я с ним согласился.

– Эй, голодные дети, где вы?! – раздался мамин голос, и мы пошли есть.

За завтраком мы спросили у папы, что это за замок такой, но он пожал плечами и сказал, что, скорее всего, это загородная резиденция какого-нибудь «нового русского», которому некуда девать деньги, но вообще это не очень интересно. Ладно, ему неинтересно, а нам интересно, разберёмся

позднее, а пока и дома дел хватает.

После завтрака папа с мамой стали осматриваться и составлять список неотложных дел, а мы полезли на дерево возле самого забора, чтобы поглядеть на замок, потому что даже с крыши нашего дома нельзя было заглянуть за высокую стену этого замка. К тому же на крыше мы были бы видны и проходим, и из замка, и папе с мамой, а на дереве из-за густой листвы нас никто не увидит. Точно.

Дерево было большое, развесистое и очень удобное: нашёлся ящик, с которого легко было достать до первой ветки, а дальше вверх – как по лестнице. Чтобы заглянуть за стену, пришлось лезть довольно высоко, было даже страшновато, но зато устроились мы отлично. Я – на большой ветке, плечом к стволу, а за спиной – другая ветка. И ветка под ногами. Как в кресле. А Ильюшка – чуть пониже, верхом, ствол за спиной, а ноги упираются в две другие ветки. И захочешь – не упадёшь. Но всё равно, надо будет захватить с собой сюда верёвку и привязываться каждый раз обязательно. Всякое может случиться, вдруг рванёт внезапный шквал и сдует нас...

Когда мы наконец устроились и раздвинули листья, то ахнули. У нас участок большой, а у этих – ещё раза в четыре больше. Посредине стоял домище, нет, дворец с высокими окнами, башенками, широким крыльцом с фонарями и тоже белый с зелёной крышей, а перед ним был ровный-ровный газон и мраморный фонтан с какой-то фигурой в цен-

тре, только вода из него не текла. И дорожки, выложенные жёлтым кирпичом и обставленные фонарями, не то что наши протоптанные в траве тропинки. А в правом углу была беседка, но не как наша – пол, столбы и крыша, – а восьмиугольный домик с маленьким мраморным крылечком и стеклянными стенами, а внутри был виден стол с креслами, диванчики и шкаф, тоже стеклянный. Да-а, как в кино. Наверное, они здесь ведут важные переговоры. Может быть, политические, а может быть, про то, как кого-нибудь убить.

За главным домом виднелись ещё какие-то постройки, теннисный корт и что-то стеклянное. Ильяшкa предположил, что это бассейн, а я – что это оранжерея или зимний сад, потому что бассейн должен примыкать к дому, чтобы не ходить от него до дома по улице, особенно в плохую погоду. Но брат сказал, что для этого у них наверняка есть подземный ход с лифтами.

Ни во дворе, ни в беседке не было видно ни одного человека. Папа позвал нас, и мы уже собрались слезать, как вдруг из-за дома вышла настоящая лошадь. Её вёл за уздечку мужик в сапогах и белой рубашке, а на лошади сидела девчонка. Она была одета как наездница на скачках: короткая чёрная курточка, белые рейтузы, чёрные сапожки с блестящими шпорами, на голове чёрная шапочка с длинным козырьком, а из-под шапочки – рыжие волосы. Я посмотрел на младшего, а он уставился на эту девчонку и не дышит.

Мужик что-то негромко скомандовал, и лошадь пошла по

круглой дорожке на длинной верёвке. Мужик стоял посредине, держал верёвку за свободный конец и только поворачивался вслед за лошадью. Ой, как всё это было красиво! Тёмно-рыжая лошадь, а грива и хвост – светло-рыжие. На ногах у неё белые бинты, а на лбу белый фонтанчик из перьев, блестящие бляшки на всяких лошадиных ремнях, блестящие стремяна, красное с жёлтым седло и рыжая девчонка... Здрóрово!

Мужик что-то опять скомандовал, и лошадь побежала. Девчонка подскакивала в седле, мужик хмурился и покрывал:

– Сядь ровно! Подбери поводья... Спину держи, сколько можно говорить!

Лошадь побежала ещё немного быстрее, девчонка бросила поводья, повалилась вперёд и обхватила лошадь за шею.

– Опять! – крикнул мужик. – Стой!

Девчонка выпрямилась, закусил губу и потянула поводья. Лошадь остановилась.

– Алексей, Илья, где вы? – раздалось с участка. – Сколько можно вас звать? Сюда сию же минуту!

– Ильюшка, родитель явно в гневе, – сказал я. – Надо слезать, и поскорее, а то начнутся репрессии.

Брат даже не пошевелился. Похоже, он не слышал и не видел ничего, кроме этой рыжей девчонки на лошади. Папа уже гремел, и лучше было мчаться со всех ног. Я ткнул Илью пяткой, он вздрогнул и опомнился.

– Идём! – закричал он. – Что, уж и в уборную нельзя?!

– Зачем звали? – спросил я, когда мы добежали до папы.

– Вот что, землевладельцы наглые! – пророкотал папа. – Не думаете ли вы, что мы с мамой ваши наёмные работники? Как насчёт того, чтобы и вам потрудиться в вашем поместье? За мной!

Деваться было некуда – умеют родители сказать так, что

и возразить нечего. Пришлось приниматься за работу.

Мы возились в доме до самого обеда и лишь слегка привели его в порядок, чтобы в нём можно было жить. После обеда мама стала всё в доме мыть: столы, стулья, стены, пол, потолок. А мы с Ильёй только успевали подтаскивать вёдра с чистой водой и утаскивать с грязной. Ну, пол, может быть, и надо помыть, ну, столы со стульями, но стены и потолок-то зачем?! С них же грязь сама падает! Но маме объяснять это бесполезно, она в таких случаях неумолима.

Потом мама стала готовить ужин, а мы отправились к папе, помогать ему разбирать барахло в сарае. Когда мы туда вошли, то просто ахнули, столько там было разных интересных вещей. Две косы, серп, топоры, пилы, всякие инструменты, висевшие на вбитых в стену гвоздях. Толстые и тонкие шланги, рулоны полиэтиленовой плёнки, чёрной и белой, листы фанеры, старые стулья, куча самых разных деревяшек, длинная лестница – лазить на крышу – и лестница-стремянка поменьше. Ящики с гвоздями и непонятными металлическими деталями, вёдра, старинное мятое корыто и ещё много-много всяких непонятных вещей.

А ещё в углу мы нашли лист фанеры, а когда его приподняли, под ним оказалась дыра в полу. Люк! Мы переглянулись и положили фанеру на место. В общем, этот сарай – просто дар для нас с Ильёшкой: с такими материалами и инструментами можно соорудить всё, что хочешь, хоть кос-

мический корабль. И залезть в сарай можно будет через эту дыру, даже когда будет висеть замок.

Мы стали папе помогать, но он нас быстро отправил обратно к маме, потому что нам всё время было нужно, чтобы он посмотрел, что мы ещё нашли, требовали, чтобы он объяснил нам, для чего каждая вещь, спорили, что где должно лежать, и поднимали страшную пыль.

До мамы мы с Ильёй, конечно, не дошли, а снова полезли на дерево, но на этот раз захватили с собой большой бинокль, который нашёлся в ящике буфета в доме. Но девчонки во дворе уже не было, а у дома стоял здоровенный «джип», громадный, как танк, и навороченный, как новогодняя ёлка. Брат посмотрел на нашу «девятку» и скривился. Мне стало обидно за неё, но я промолчал. Что я мог ему сказать? Что наша машина лучше?

Тут из-за дома появились широченные мужики, все в чёрных костюмах и белых рубашках с галстуками. Четверо. Двое встали у дверей дома, а двое пошли к воротам. Мы замерли, интересно ведь, прямо как в бандитских сериалах. Из дома вышел ещё один мужик, потоньше и поменьше этих, нырнул в «джип», те двое быстро сели с ним, ворота разъехались в стороны, и «джип» двинулся. Сразу же из-за дома выехал второй точно такой же, притормозил у ворот, другие два «шкафа» впрыгнули в него, и он уехал вслед за первым. Ворота закрылись, и всё опять стало пусто, только окна дома ярко блестели.

Мы с Ильюшкой посмотрели друг на друга.

— Что делать будем? — спросил он.

— А ничего, — ответил я. — Так и быть, пусть живут. Пошли лучше искать, где бы нам устроить укрытие.

Какое-нибудь укрытие нужно иметь обязательно. Когда родители сердятся, лучше на время исчезнуть: пока будут искать, пусть остынут. А там уж можно каяться или стараться рассмешить, смотря по обстоятельствам. Я уже приглядел здесь несколько подходящих мест: одно между скатом крыши и стенкой комнаты на втором этаже дома, туда дверца ведёт, папе туда ни за что не пролезть, второе — в лопухах в дальнем углу участка, третье — в щели между задней стенкой сарая и соседским забором. Под скатом, конечно, хорошее место, даже если найдут, не достанут, но очень уж там пыльно и душно, долго не высидишь. В лопухах легко отыскать, да и крапива там. В щели за сараем тоже легко найти, но если папа заглянет с одной стороны, можно спастись в другую. А ещё под всем соседским забором идёт канава, и через неё можно пролезть на соседский участок, а там нас уж точно не найти. Мама говорила, что сейчас там никто не живёт.

Мы уже собрались слезать, но тут из-за дворца опять явилась эта рыжая девчонка, с теннисной ракеткой, в короткой белой юбке и шапочке с козырьком, в какой каталась на лошади, только в белой. Я поскорее схватил бинокль, и она оказалась ну просто совсем рядом. Потная, усталая. Вот она стащила свою шапочку и помотала головой, и её рыжие волосы

заплескались во все стороны и аж засверкали на солнце. Ух ты! А лицо – совсем белое, у рыжих так часто бывает: к ним загар не пристаёт. Я где-то об этом читал. У них только веснушки вылезают... Точно, и у этой веснушки – на носу и на щеках. Пятнистая! Хи-хи! А ноги у неё – что надо! И вообще – красивая.

Ильюшка уже давно дёргал меня за ногу и шипел, чтобы я отдал ему бинокль, а когда поглядел в него, то аж побледнел. Всё. Влюбился. Ну бедняга!.. Это только в сказках всякие там пастухи знакомились с принцессами, а в наше время и увидеть-то такую принцессу можно, только если дерево на твоём участке удачно стоит. Учатся такие барышни в Англии, а когда приезжают на каникулы, то живут в замках и ездят на «джипах» с охраной. Ильюшку и к воротам-то не подпустят, а уж познакомиться с ней... «Ах, я хороший мальчик, почти отличник, хочу познакомиться с вашей хорошей девочкой!» Так, что ли? То-то охранники повеселятся.

Девчонка пересекла двор и скрылась за башней. Брат опустил бинокль и так и остался сидеть с биноклем на коленях. Наверное, подумал то же, что и я. Мне вдруг стало так его жалко – брат ведь, – что даже в носу защипало, и я зашептал:

– Ничего, Ильюха, мы с тобой обязательно что-нибудь придумаем. Не может быть, чтобы не придумали. Крепись!

Ильюшка повернулся ко мне, и я понял, что в нём пробудилась надежда. Тут мы наконец услышали мамин голос. Она кричала, что, если мы сейчас же не придём ужинать, она

всю еду спрячет в холодильник и мы будем голодать до утра. Мы с младшим медленно слезли и пошли к дому. Он шёл, как автомат, и молчал. Кошмар! Я сколько раз влюблялся: в Вальку Самсонову, дуру белую, в четвёртом классе, в Зинку Чухлину из пятого «В», в эту, с розовыми бантами, с балкона напротив... Но ничего подобного не было. И проходило быстро. Может, и у него пройдёт. Послезавтра с дачи на неделю уедем – и пройдёт.

Всё воскресенье папа пахал, как бульдозер, стараясь успеть побольше до отъезда в Москву. И мама тоже. Мы с Ильюшкой помогали им изо всех сил: во-первых, совесть надо иметь, а во-вторых, тяжёлая работа – лекарство от любви. Так что за весь день нам только один раз удалось залезть на дерево. Но без толку: девчонки не было.

К ужину мы так умотались, что чуть не заснули прямо за столом. А утром нас разбудили рано-рано, сонных погрузили в машину и повезли. Ой, как не хотелось уезжать! Я даже просил, чтобы родители оставили нас на даче, а сами приезжали по вечерам и утром уезжали, а мы здесь прекрасно справимся сами и даже будем разогревать к их приезду ужин, хотя прекрасно понимал, что родители на это ни за что не пойдут. Единственное, чего я добился, – мама сказала, что она попробует со следующей недели взять отпуск, и тогда мы станем жить на даче постоянно. А потом отпуск возьмёт папа. А дальше – видно будет.

Неделя тянулась, как жвачка, да ещё Ильюшка всё время требовал, чтобы я говорил с ним об этой девчонке, восхищался, какая она красивая и замечательная. Насчёт «красивой» я соглашался, а насчёт всего остального отвечал, что это ещё неизвестно. Может быть, она такая же дура непробойная, как Валька Самсонова, и разговаривать может только о своих нарядах и о своём замке. Или вредина, как Нелька Чистова, сделает какую-нибудь гадость и хихикает: шутки у неё, видите ли, такие, и мы должны понимать, а если не понимаем, у нас нет чувства юмора.

Ильюшка обижался, начинал орать, что эту девочку даже сравнивать нельзя с Валькой и Нелькой и только такой дурак, как я, может этого не видеть. Недаром я влюбился когда-то в Вальку. Я тоже начинал злиться и грозил, что, если он сейчас же не прекратит, я не стану ему помогать, пусть разбирается со своей Рыжей сам. Илья на время притихал и начинал выдумывать способы, как с ней познакомиться, и сообщать их мне. Все они были глупые: сделать рупор и кричать в него, когда она будет во дворе, привязать записку к стреле и пустить её через забор или завернуть в записку камень и выстрелить из рогатки. Даже порывался сейчас же делать рогатку. На это я ему сказал, что его послание, скорее всего, подберёт её тренер или кто-нибудь ещё и прочитает. И если даже передаст ей, она только фыркнет. Девчонки – они такие.

– Помнишь, Вовка Петрухин написал записку Дашке, а

записка попала в руки Галине Михайловне. Галина её прочитала, ничего не сказала и отдала Дашке. А та после этого даже разворачивать её не стала, порвала и пустила обратно Вовке. И неделю с ним не разговаривала... А если твоя стрела или камень попадут в девчонку? И вообще, почему ты думаешь, что если даже эта рыжая принцесса сама подберёт записку и прочитает её, то она сразу захочет с тобой знакомиться? Она же тебя не видела и не слышала. А может, у неё есть уже любовь, такая же богатенькая, как она сама?

Лучше сделать так: Ильюшка с чисто вымытой шеей и загадочным лицом, держа в руке букетик цветов, каждый день с двух до четырёх будет прохаживаться по улице вдоль стены её замка, туда и обратно, и девчонка его увидит и обязательно влюбится. Когда он будет уставать или ему понадобится отлучиться в уборную, я буду его заменять. Ведь мы очень похожи. И если она обратит внимание на меня, я не скажу, что я – это не он, потому что я любящий брат и благородный человек и никогда не выливаю ему ковшик с холодной водой в трусы и не убегаю после этого. Тут Илья покраснел, как свёкла, и кинулся на меня, но я ждал этого и спрятался в ванной и хихикал оттуда, пока он бушевал за дверью.

Сидеть в ванной было скучно, и я тоже стал думать, как нам познакомиться с этой Рыжей, и придумал: пустить с нашего дерева солнечный зайчик ей в лицо, когда она будет во дворе одна. А потом высунуться из листьев обоим сразу. Она как увидит двоих таких одинаковых, тут же заинтересуется и

захочет познакомиться. Близнецы всегда вызывают интерес. А дальше – как получится.

Илья устал ломиться и злобно сопел под дверью, пытаясь кухонным ножом повернуть защёлку. Смешно, я же её одним пальцем удерживаю. Но мне уже совсем надоело, и я сказал через дверь:

– Солнечный зайчик с дерева!

Нож сразу перестал скрежетать, и сопение стихло. Я ещё немного подождал, и из-за двери донеслось:

– Ну и что? А знакомиться как? Азбукой Морзе, что ли? Всё. Успокоился. Я вышел из ванной и сказал:

– Ага, она же её с рождения учила, всё ждала, не пригодится ли с Ильюшечкой познакомиться. Ты сам-то эту азбуку хоть раз видел? Напишем большими буквами: «Привет, соседка! Давай знакомиться!» – и покажем, когда она глянет, откуда ей светят в лицо. Понял?

У брата сделались круглые глаза, он замер, потом опомнился и сказал:

– Ты что, разве можно сразу: «Давай познакомимся!» Это грубо. Нужно постепенно. Например, написать, что мы новые хозяева этой дачи, сказать, что нам её завещали, сообщить, как нас зовут, и только потом спросить, как зовут её, где она учится, и так, слово за слово...

– Ну вот, ты и придумай заранее, что и как написать. Приступай к работе.

До конца недели Ильюшка составлял послания и читал их

мне. Я на всё соглашался. Он перечитывал, рвал и начинал составлять новое. Наконец он написал: «Здравствуйте. Мы ваши новые соседи. Меня зовут Илья. Я буду очень рад, если ты скажешь, как тебя зовут». Я поскорее согласился, что это самый удачный вариант, и он стал выводить его большими буквами на картонке.

В пятницу мы опять поехали на дачу, на этот раз до конца лета. И опять пошла каторга. Папа, чтобы маме было легче, всю субботу и воскресенье работал без отдыха и нас заставлял и, если мы пробовали отвалить, чтобы залезть на дерево, звал нас таким голосом, что ноги сами бежали обратно. Наконец он пригрозил, что спилит это проклятое дерево, если хоть раз ещё увидит нас на нём, и мы испугались. А что, он может, он такой. У Ильюшки даже руки-ноги затряслись. Ещё бы, тогда всем его надеждам конец.

Но вот и понедельник. Брат проснулся первый и стал меня будить. Я сказал, что хочу спать и чтобы он от меня сейчас же отстал. Я ожидал, что он начнёт расталкивать меня и ругаться, но он молчал. Я открыл глаза и увидел в окне такое ярко-синее небо с облачком и веткой дерева, на которой сидела птичка с желтыми щёчками и глядела на меня, что сразу расхотел спать.

Я встал, Ильюшка уже подскакивал на месте со своим плакатом в руке и биноклем на шее, и мы помчались. Ой! Ноги сразу обожгло холодом, кроссовки намокли: роса. Надо же.

Я много раз слышал от мамы и папы про их школьные турпоходы, про палатки, утреннюю росу, туман над рекой, про то, как это всё здорово. Может, и здорово, но не в мокрых кроссовках. Я оглянулся и ахнул: в тени трава была как напудренная, столько на ней было капелек, а на свету сверкала яркими острыми разноцветными огоньками. Действительно здорово. В Москве такого не увидишь.

Ильюшка уже лез на дерево. Ну ничего не видит вокруг, весь свет ему заслонила его Рыжая. Я хотел на него разозлиться, но не получилось: очень уж красиво было вокруг. Я вздохнул и пошёл к дереву.

Двор замка был пустой. Кто из нормальных людей встаёт в такую рань? Смотреть было не на что, и я стал толкать брата ногой, чтобы идти умываться и завтракать, но он только шипел:

– Сейчас, сейчас! – и не отрывался от бинокля.

Я вздохнул и слез, пусть его оттуда мама достаёт.

Мама тоже встала и готовила завтрак. Пахло обалденно. Почему-то здесь всё было вкусно, продукты свежие, что ли? Нет, мы их вроде бы привезли из Москвы. Да ладно, вкусно – и хорошо. Я уже сидел за столом, когда появился Илья. Я поглядел на него вопросительно, но он помотал головой. И так было ясно, что Рыжая не появилась, а то он сидел бы сейчас на дереве, как приклеенный, и глазел бы на неё.

Ильюшка быстренько поплескал на щёки водички, потёр мокрой ладонью нос, приложил к лицу полотенце и плюх-

нулся на скамейку рядом со мной. Я покосился на него, так и есть: уши серые, шея в разводах. Я как-то называл его «Серая Шейка» после того, как мама прочитала нам сказку про раненую уточку, которую так звали, так он просто взбесился. Ну, я и не стал его больше так называть: зачем мне драться с братом по пустякам. Хочет – пусть ходит грязный. Интересно только, что подумает Рыжая, когда увидит его такого, недомытого.

– Послушайте, – сказала мама, – что вы делаете на этом дереве, да ещё с биноклем? Пялитесь на чужой участок? Это нехорошо. Представьте, что кто-то сейчас разглядывает в бинокль вас. Вам бы это понравилось?

Тут я не удержался и, когда мама ушла за чем-то в дом, шепнул брату:

– А если у этой Рыжей тоже есть бинокль, а?

– Хорошо бы, тогда и она нас сможет ясно разглядеть.

– Особенно твою серую шейку.

Илья стал багроветь и вскочил на ноги. Я тоже встал, готовясь к драке, но он вдруг повернулся и побежал к забору, где возле канавы папа оборудовал умывальное место: вкопал столб, подвёл к нему от водопровода шланг с краном, положил на землю деревянную решётку, чтобы не стоять на мокрой земле и чтобы вода стекала в канаву. Удобно, конечно, но не наша московская ванная. В замке, наверное, ванная не такая: мраморная, с горячей водой и подогретым полом. Ничего, папа обещал пристроить к дому ванную и уборную,

когда пойдёт в отпуск.

– Алексей, куда это Илья побежал? Что ты ему сказал? – Мама подозрительно смотрела на меня.

– Он бинокль забыл у калитки, – ответил я. – А вдруг она не заперта? Могут украсть.

– Врёшь. Ну да ладно, разбирайтесь в своих делах сами. Но вообще хватит сидеть на дереве, как вороны. Учтите, если свалитесь, мы сейчас же уедем с дачи.

Я поглядел на маму и понял: уедем. Да, сегодня же надо будет захватить наверх верёвку и привязываться там для безопасности, не жалея на это сил и времени.

Ильюшка вернулся минут через десять, злой, как змей, с такими чистыми ушами и шеей, как будто его час тёрли молчалкой в бане, молча уселся за стол и стал мрачно жевать. «Ну дела-а... – подумал я. – Бедный!»

После завтрака мама сказала, что ей нужно обязательно съездить в Москву. Вернётся она к обеду, а если не успеет, то чтобы мы пообедали сами, посуду за собой вымыли, на дерево – ни-ни, потому что они с папой будут вынуждены ради нашей безопасности вернуть нас в Москву, ну и всё такое, и ушла.

За завтраком мы так наелись, что и думать было нечего лезть на дерево. Да и слово дали. Мы пошли за сарай, уселись там в щели, упёршись спинами в тёплую стенку, ногами в забор, и замерли. Сидеть было очень хорошо: тихо, скрытно, уютно, вдоль щели тянул лёгкий ветерок.

Земля от стенки сарая до канавы под забором была покрыта какими-то шершавыми серыми плитами, папа нам уже объяснил, что это сделано для того, чтобы вода при дожде стекала в канаву, а не утекала под сарай, а то пол и стены станут гнить и сарай развалится. А так он будет всё время сухой и крепкий. Что ж, правильно придумано, молодец тётка.

Конечно, если бы закрыться справа и слева, было бы совсем хорошо: сделать из досок стенки, к ним прикрутить дверные петли, чтобы открывались, как двери, повесить замок, ключ прятать в тайное место, и никто, кроме нас, туда входить не сможет. Здрóрово! И дождь будет не страшен: крыша нависает. Только папа не разрешит – скажет, что нечего ковырять стенки сарая и переводить доски. Обойдётся своим вторым этажом, зря, что ли, вы его у нас с мамой выпросили.

А что, если... Я даже задохнулся от такой замечательной мысли: поднять одну из этих серых плит, прокопать подземный ход под сарай, плиту положить на место – и всё! Никто не догадается про подземный ход, а у нас будет великолепное тайное место. А если проползти до той дыры, что в полу, то можно будет залезать в сарай! Приподнял снизу фанеру на полу – и внутри. А на дверях сарая – замок, и никому в голову не придёт, что мы в сарае. Папа ведь не знает, что под фанерой в полу дыра! А если папа с мамой будут требовать, чтобы мы признались, где прячемся, можно будет сказать, что пролезаем под забором на соседний участок.

Когда я сказал об этом Ильюшке, он аж зажмурился от восхищения, и мы решили сейчас же приступить к работе. Прежде всего мы попробовали поднять плиту. Тяжёлая, но за край, если поднатужиться, поднять можно даже одному. А уж вдвоём – совсем просто. Мы прислонили плиту к забору и стали копать. Земля была мягкая, в ней даже корней не было, потому что под плитой ничего не росло, и мы быстро подкопались под сарай.

Под сараем вполне можно было двигаться на четвереньках. Было темновато: свет проходил только в узкие щели между бетонными блоками, на которых сарай стоял. Валялись какие-то тряпки, доски, куски фанеры, старые кирпичи. На тот случай, если надо будет прятаться, когда сарай открыт, мы соорудили из этого барахла какие-то стенки и пол, и получилось очень уютное гнездо, даже уходить не хотелось. Теперь нас никто не найдёт, даже если будет заглядывать под сарай в отдушины с фонариком. Потом, когда высохнет трава, которую скосил папа, надо будет натаскать сюда сена, покрыть какой-нибудь тряпкой, чтоб не кололось, и настанет полный кайф. Ещё нужно было всё устроить так, чтобы не осталось никаких следов нашего копания. Землю мы утащили под сарай и там разбросали, плиту уложили на старое место, замели всё веником, и теперь даже мы не сразу находили ту плиту, под которой был наш подземный ход.

Мамы всё не было. Мы вымылись, чтобы она не заинтересовалась, почему мы такие грязные, и пошли обедать. За

обедом мы договорились без особой нужды в наш тайник не лазить, чтобы случайно его не выдать. А как возникнет конфликтная ситуация, мы туда – и нет нас. И с собакой не найти, ведь собаки-то нет!

После обеда Ильюшка не выдержал, и мы всё-таки полезли на дерево, посмотреть, нету ли во дворе Рыжей. Ага, вон она. Опять на лошади в своей кавалерийской одежде, но насколько она стала лучше ездить! Сидит прямо, за гриву не цепляется, смотрит не вниз, а вперёд. Красивая – жуть. Бедный Ильюшка.

Мужик, который учил её ездить, теперь не держал лошадь за верёвку, а стоял на одном месте и только следил за девочкой, а она что-то такое делала, отчего лошадь то шла, то бежала, то направо, то налево. Потом мужик похлопал девочку по коленке и ушёл, а она оглянулась на него и, когда он скрылся за углом, стукнула лошадь пятками по бокам, и та побежала. Девчонка вся подобралась, напряглась, губы сжались, но всё равно сидела прямо, чуть-чуть откинувшись назад. Илья глядел на неё открыв рот. Я толкнул его пяткой и прошептал:

– Скорей, пока она одна!

Он опомнился, часто закивал, отдал мне бинокль и вытащил из рюкзака за спиной мамино зеркало. Солнце светило ярко, и зайчик был большой и сильный. Брат дождался, когда девчонка повернёт в нашу сторону, и навёл зайчик ей на лицо. Ой! Зайчик будто ударил девочку по глазам. Она за-

жмурилась, невольно дёрнула повод, лошадь скакнула в сторону, девчонка покосилась, поехала с лошади и хлопнулась на землю. Лошадь ещё немножко пробежала и встала.

Я охнул, а Ильюшка, дурак запрограммированный, вытащил свой плакат с посланием и выставил из листвы. Девчонка встала, закусив губу и держась за бок. Вид у неё был не очень: рейтузы испачканы, курточка в песке, шапка свалилась и волосы разлохматились. На левой коленке – дыра, сама коленка ободрана... Кошмар! В бинокль всё хорошо было видно. Я тут же убрался поглубже в листья и зашипел, чтобы Илья тоже спрятался, а он высунул голову из листвы, улыбается, как дурак, и тычет пальцем в своё послание.

Девчонка поглядела на свою коленку и аж топнула ногой. Бедная. Я знаю, девчонки ужас как переживают, если что-то портится в их внешности. Брат опять посветил на неё зеркалом, чтобы она обратила на него внимание, и тут она подняла голову и увидела его. Она выпрямилась, нахмурила брови, какое-то время смотрела на Ильюшкин плакат и вдруг скривилась, плюнула в нашу сторону, повернулась и пошла к дому, прихрамывая на левую ногу. Лошадь подумала и тихонько потопала за ней. Всё. Познакомились.

У Ильюшки задрожали руки, он уронил свою картонку и повернулся ко мне. Лицо у него было такое растерянное и несчастное, что все слова, которые я хотел ему, дураку, высказать, пропали, и вместо него я обозлился на Рыжую. Вот ведь дура какая! Подумаешь, упала она! Сама виновата! Сидела бы на своей лошади получше, не свалилась бы из-за какого-то солнечного зайчика.

– Всё пропало, – тихо сказал Ильюшка.

И я чуть не заплакал от жалости.

– Ну и чёрт с ней, – сказал я. – Плюнь. Нечего на неё время тратить. Пошли в дом, а то мама вернётся, а мы на дереве. Попадёт. Ещё и вправду в Москву увезут или дерево спилят.

Мы слезли с дерева. Брат шёл, глядя в землю. И тогда я сказал:

– А может быть, это из-за того, что ты ей понравился? Думаешь, приятно хлопаться с лошади, когда на тебя смотрит интересный тебе мальчик? Помнишь, как я на свою Нинку наорал, когда меня при ней Жорка Пухов колотил, а она, насмотревшись, взялась мне битый нос платочком утирать?

Илья поднял голову, посмотрел на меня, подумал и сказал со вздохом:

– Может, это и правильно, но не с этой. Вzbесилась она из-за ободранной коленки и из-за того, что на лошади не удержалась. А уж потом, когда меня увидела, плюнула от злости. А на Нинку ты тогда орал не за то, что она тебе нос утира-

ла, а за то, что торчала столбом и смотрела, как тебя Жорка уродует, вместо того чтобы бежать за мной и всеми нашими. Там Нинка была виновата, а здесь – мы.

Виноваты были не мы, а только он. Если бы он не стал второй раз светить ей в лицо и показывать свою картонку, она бы даже не догадалась, отчего упала. Совсем соображение потерял, лопух. Но вслух я этого говорить не стал, а предложил написать другой плакат: «Прости меня, я не нарочно», показать Рыжей и посмотреть, что она будет делать.

Ильюшка опять подумал и сказал:

– А если она снова плюнет? Нет, не стану я унижаться перед этой психопаткой. Пусть сидит в своём замке и дружит со всякими своими жирненькими богатенькими Буратинами.

Я подумал, что эти Буратины совсем не обязательно жирные, сама Рыжая очень даже не жирная, а брату сказал, что уважаю его решение и он – молодец.

Мама приехала только вечером, уставшая, привезла много вкусных вещей, похвалила за вымытую посуду и накрытый к ужину стол. После ужина нас сразу отправили спать.

Наутро мама затеяла огородные работы, и нам пришлось помогать. Ну зачем нам все эти огурцы-помидоры-укропы-салаты? Мы что, на рынке собираемся торговать? Ага, особенно наша мама! И вырастет всё это неизвестно когда. Если вообще вырастет. Всё равно будем покупать, а отдыха не будет. Мы так маме и сказали, но она ответила, что дав-

но мечтала иметь свой огородик, выращивать свои овощи и кормить ими, экологически чистыми, своих детей. Всё, конец. Если мамой овладела идея, её с пути не свернуть.

К счастью, Ильюшка сообразил заявить, что ему хочется к борщу сметанки, а я тут же подхватил, что очень хочу кока-колы, но мама не попалась: отправила на станцию в магазин за кокой и сметаной его одного. И ещё велела купить овсянки и хлеба. Мы взвыли в один голос, что одному не дотащить, что мы друг без друга не можем, но мама сказала, что ей нужна помощь, что вдвоём мы пропадём на целый день, а один вернётся быстро. Тогда я сказал, что нужно кинуть монетку, но Илья хихикнул, схватил сумку и убежал. Я вздохнул, мысленно добавил к списку его грехов ещё один и продолжил выдирать из маминых грядок корни одуванчиков.

Ильюшка действительно вернулся быстро, – слышно было, как хлопнула калитка, – и я пошёл в дом попить колы и посмотреть, что он ещё купил. На террасе его не было, в кухне тоже... Он нашёлся в нашей комнате, стоял на коленях и рылся в чемодане с нашими вещами, но в каком виде! Волосы, шорты, майка мокрые, в жёлтых разводах, жёлтые капли на лице, шее, руках. А вокруг вьются мухи и даже две пчелы. Я тронул пальцем одну каплю, понюхал, лизнул – что-то сладкое. Кока-кола! Вот это да! Как это он ухитрился так облиться?!

– Поделом тебе. В следующий раз принесёшь домой, а не будешь колу лакать по дороге. Сам хотел всю выпить? То-то

ты рванул в магазин, как на соревнованиях!

Илья подскочил как ужаленный:

– Я?! В одиночку?! Без тебя? Да ты, да как ты!.. Вот. Смотри. Бутылка нетронутая! Это меня Рыжая из окна облила! Я иду себе, и вдруг сверху... Я ошалел, ничего не понимаю, гляжу наверх, а в окне башни – она, с пустым ковшом, хохочет, рожи корчит и язык показывает.

– А ты?!

– А что я? Мокро, противно, липко... Мухи налетели. Кулак показал и убежал. Что теперь маме сказать? Что меня соседка облила? А если она обидится за сына и пойдёт разбираться с ними? Или, ещё хуже, расскажет папе?

– М-да... Придётся сказать, что ты купил колу, хотел выпить сам и случайно облился.

– Из бутылки так облиться невозможно. Скажу, что кола была нагретая и выстрелила фонтаном. Открой бутылку и отпей побольше. А я пойду помоюсь, не влезать же такому в чистое. Надо же, второй раз за день мыться!

Меня трясло от злости. Ух ты, поганка какая! Она что, следит за нами? Увидела, что Ильюшка пошёл с сумкой, приготовила колу, бутылъ – не меньше, и сидела с ковшом, ждала, пока он пойдёт обратно. Ну паучиха! Из какого окна она его облила? Из того, что в башне, напротив нашего дерева, или которая на углу? Если напротив, то я ей напишу, что о ней думаю, и выставлю. Пусть почитает. А что написать, чтобы проняло? А то этим сытым плевать, что о них думают.

Только порадует, если покажу, что разозлился.

Я схватил листок картона, быстро написал чёрным фломастером: «Рыжая-бесстыжая! Кола-то пролитая, и ты теперь немытая! Кока-кола истраченная – волосы будут некрашенные!» Вообще-то глупо написал, ну и ладно, умных стихов она не стоит. Я взял картонку и полез на дерево.

Окно башни было прямо напротив моего гнезда. Раньше мы в него не заглядывали, смотрели на двор, а сейчас я из глубины листвы стал глядеть на него в бинокль. Сквозь занавеску комнату было не разглядеть, но кто-то в ней был: занавеска иногда колыхалась, будто её касались изнутри. Я ждал. Вдруг занавеска сдвинулась в сторону, и появилась Рыжая, собственной персоной, глянула вниз, на пустую улицу, полюбовалась мокрым пятном, посмотрела на наш забор, усмехнулась и исчезла.

Так. Ясно. Это её комната. В бинокль были хорошо видны кровать с набросанной на ней одеждой, всякие картинки на стенах, кресло с большим плюшевым леопардом, стол с компьютером – в общем, всё, что полагается в девчоночьих комнатах. А на подоконнике – ковш. Это что же, она думает, что Илья снова выйдет и она его опять обольёт?

Я выставил свой плакат в просвет листвы, укрепил и стал ждать. Выглянет, не удержится, вдруг Ильюшка опять появится. Так и есть, вот она. Посмотрела вниз, подняла глаза, увидела плакат, прочитала, глаза выкатила, рот открыла, а

высказаться-то некому, меня-то не видно. Аж перекосилась от злости и кулаками застучала по подоконнику... Пора.

Я раздвинул ветки, чтобы она могла меня увидеть, улыбнулся ей пошире и помахал рукой: привет! Она как меня увидела, схватила свой ковш и плеснула в мою сторону. Ха-ха, и до середины улицы не долетело! Ну ладно, хорошенького понемножку, я засмеялся, отпустил ветки и спрятался. А плакат оставил, пусть любит. Хорошо получилось.

Когда я слезал, под деревом появился Ильюшка. Чистый, в свежей одежде.

– А мокрая где? – спросил я.

– В таз сложил. Мама велела постирать, чтобы в следующий раз не обливался. И не виноват, а ничего не скажешь. Обидно. А ты что на дереве делал?

– За тебя мстил. Написал Рыжей, что она – бесстыжая и что волосы у неё крашенные кока-колой. Здорово придумал, правда?

Брат побледнел.

– А она что? – спросил он охрипшим голосом.

– Аж кулаками застучала и плеснула в меня колой из ковша. Не доплеснула, конечно. Представляешь, приготовила колу и сидела, ждала, чтобы опять тебя облить, если ты снова выйдешь. А вместо этого – плакат на дереве, всё время перед глазами, и не достать его. Отлично получилось. Ты-то что молчишь? Почему не радуешься?

– А чего радоваться? Теперь с ней уж точно не помиришься.

– Ты же с ней – всё! Сам сказал.

Ильюшка ничего не ответил, понурился и пошёл к дому. «Да-а... – подумал я. – Кажется, перестарался. Кто ж его знал, что у него это настолько серьёзно. Придётся снимать свой плакат, и поскорее. И как потом с ней мириться?» И я снова полез на дерево.

Занавеска в комнате Рыжей была отодвинута, но её видно не было. Я стал отцеплять плакат, а он не отцеплялся, и вдруг рядом по листве что-то ширкнуло и глухо стукнуло в ствол. Я раздвинул листву и увидел Рыжую: она стояла в окне с разинутым ртом и вытаращенными глазами, а в руках у неё был спортивный лук, только маленький, детский.

В первый момент я аж озверел от злости, был бы у меня лук – выстрелил бы в неё, хоть она и девчонка. Но тут меня осенило: изобразить раненого! Какая она ни есть, а того, что серьёзно меня покалечила, должна испугаться. Я громко застонал и стал спускаться. Спустившись, я пошарил под деревом и нашёл стрелу, правда тупую. Всё равно могла покалечить. А если бы в глаз! Откуда у неё лук? И лошадь, и теннис, и лук. Спортивная девочка. Да, здорово я её разозлил. Я спрятал стрелу и пошёл разыскивать Ильюшку.

Я нашёл брата возле умывальника, над тазиком с одежкой. Он исполнял наказание – тёр свои вещи в мыльной воде, а мама стояла рядом и объясняла ему, что он сам виноват.

Нечего было пить коку по дороге, дома попил бы из стакана, как все воспитанные дети, что стирать нужно аккуратно, не брызгать грязной мыльной водой на чистую одежду, а то придётся стирать и её, и так далее. Илья уже был красным от злости, но выхода у него не было. На меня не свалишь. Мне ужасно хотелось сказать, что это ему за все его грехи передо мной, но я сдержался. Вместо этого я наклонился к его уху и тихо сказал:

– Заканчивай скорей, есть новости.

Он внимательно на меня посмотрел и задвигал руками быстрее. Мама тоже покосилась на меня, но промолчала.

Ильюшка сначала слушал мрачно, но, когда я изложил ему свою идею, у него аж глаза засветились.

– Думаешь, получится? – спросил он с надеждой. – А если опять обольёт? Или опять выстрелит?

– Не выстрелит, это точно. Когда я застонал, знаешь, как она испугалась? Она побледнела, и глаза сделались круглые, как у кошки. А если плеснёт – увернёшься, ты же будешь на неё смотреть и заранее увидишь. Только я думаю, что и плескать она не станет. Представляешь, бинт на голове, на нём красное пятно – накрасим фломастером – и ещё под ним на щеке будто струйка крови, тоже фломастером. И укоризненный взгляд печальных синих глаз. Ну-ну, не надувайся, пожалуйста. Главное, чтобы ты не стал улыбаться как дурак, когда её увидишь. Понял?

Фломастеры и бинт мы заранее перетащили за сарай, и, когда мама ушла на кухню готовить обед, я стал делать из брата «раненого». Забинтовал голову, нарисовал на бинте как раз над глазом красное пятно, густое посредине, послабее к краям, нарисовал свежую кровь на щеке и полез на дерево, поглядеть, на месте ли Рыжая. Так и есть, мелькает в своей комнате, время от времени выглядывает в окно.

Я махнул Ильюшке рукой, и он схватил сумку, будто опять в магазин, и медленно пошёл-потащился вдоль нашего забора, глядя на её окно. Я с биноклем замер на своей ветке. Вид у него был – хоть «скорую помощь» вызывай.

Рыжая выглянула из окна, увидела Илью и замерла. Глаза у неё расширились, руки поднялись к щекам. «Ужас!» – шёпотом сказала она, я не услышал, но понял это слово по губам. Потом она перегнулась через подоконник и крикнула вниз:

– Мальчик, это из-за меня?!

Ильюшка медленно и скорбно покивал ей.

– Подожди! – крикнула она, отскочила от окна и заметалась по комнате.

Мне не всё было видно, но вот она снова подскочила к окну – в руках у неё был свёрнутый в трубку конверт, перехваченный резинкой, крикнула:

– Это тебе! – и кинула его вниз.

Конверт был лёгкий, его отнесло к самой их калитке в во-

ротах. Записку она ему написала, что ли, с извинениями? Вот брат будет счастлив! Мне ужасно захотелось крикнуть ему, чтобы он гордо отвернулся и ушёл, пусть она помучается подольше, но нельзя, я бы всё испортил. Конечно, Ильюшка не удержался, хорошо хоть не кинулся бегом, а медленно подошёл, нагнулся, держась за раненую голову, подобрал конверт, вскрыл его, достал бумажку...

Мамочки мои, доллары! Президентская морда на бумажке, в бинокль – как на столе! Это что же, она от нас откупается?! Ах ты, дрянь богатенькая! Я едва не задохнулся от злости. Ильюшка покраснел, сунул доллары в конверт, достал какую-то бумажку... Записка... Читает... И вдруг расплылся в такой улыбке, что стало ясно: сейчас всё испортит.

– Эй, пацан, – раздалось вдруг, и я увидел у калитки здорового мужика в камуфле и коротких сапогах. – Иди-ка сюда. Что ты там подобрал? Это из нашего окна упало. Ну-ка сюда, быстро!

Ильюшка замер, потом попятился и спрятал конверт за спину.

– Это моё, – сказал он. – Это мне подарили.

– Чего тебе там подарили? Разберёмся. Давай сюда, я ска- зал.

Ильюшка дёрнулся бежать, но мужик мгновенным рывком схватил его за руку и выхватил конверт. Брат взвыл, как сирена. Я в растерянности глянул на Рыжую: она окаменела в своём окне.

«Почему она молчит?! – пронеслось у меня в голове. – Неужели она нарочно это подстроила? Ну, совсем подлая!» И в этот момент сверху понёсся крик:

– Отпусти! Это его! Это я ему кинула!

Этот поганый «шкаф» задрал голову, и Ильюшка извернулся и укусил его за руку.

– Ах ты, сопля драная! – взревел «шкаф», перехватил Ильюшку другой рукой за ухо и потащил к калитке.

Илья, конечно, орал, извивался, но где ему было вырваться у такого.

«Ну, всё, – подумал я. – А если его там убьют? Что тогда с мамой и папой будет? И как же тогда я?»

И в этот момент из открытой калитки вылетела Рыжая, вопя во весь голос:

– Пусти его, гад! Не смей его трогать! Отцу скажу! – накинулась на «шкафа» и стала стучать по нему кулаками.

У «шкафа» вытаращились глаза, он мгновенно отпустил Илью, бросил конверт, схватил Рыжую в охапку и понёс к калитке.

– Что ты, что ты, Леночка! Нельзя на улицу, Пал Сергеич не разрешает. Домой, скорее домой...

Девчонка визжала и вырывалась, стараясь заехать кулаком ему по морде, но он унёс её обратно и захлопнул за собой дверь. Над воротами мигнули красные лампочки, и всё стихло. Я на дереве, Ильюшка внизу, совершенно потрясённые, тупо смотрели на это.

Мы сидели за сараем и приходили в себя и даже ничего не обсуждали, потому что в голове была полная неразбериха. Похоже, что эта рыжая Леночка не устраивала этой подлости с деньгами, просто охранник увидел, что сверху что-то упало, и побежал спасать хозяйское добро. А она раскаялась, что влепила в Ильюшку стрелу, и захотела загладить свою вину. А как? Одичала в своём замке среди обслуги и долларов, без нормальных людей, вот и заглаживает, как умеет.

Ну и порядки у них в замке: взрослого мужика колотит, а он только морду отворачивает да уговаривает. Как принцесса со слугой. Хоть и гад этот «шкаф», но всё равно, со взрослым так... Нам не понять. Но вообще, не такая уж она дрянь, просто испорченная воспитанием. А почему ей выходить из замка нельзя? Наверное, чтобы не украли и выкуп не потребовали. Это что же, если захочется выйти куда-нибудь, то только под охраной и на «джипе»? А общаться только с такими же, как она?

Да-а, дела! Бедная. Понятно, почему она человеческих отношений не понимает и деньгами откупается. Кстати, интересно, сколько она нам заплатила?

Я покосился на Ильюшку – он сидел, опустив голову, всё ещё в своей повязке. Ухо было малиновым и раздулось чуть ли не вдвое. Страдалец. Опасное дело – любовь. Помню, как меня из-за Зинки Чухлиной из пятого «В» Федька-переросток из её класса с друзьями у школы ждал, хорошо, что

она через подругу предупредила, мы с Ильюшкой тогда через окно в туалете спаслись. Нам с ним всегда приходится спасаться обоим, если один что-то натворил: мы же совсем одинаковые. Попробуй объясни, что ты – не он, не поверят, сначала побьют, а потом пойдут искать второго. Но это пу-
стяки, это не «шкаф»-охранник.

– Что она в записке написала? – спросил я.

Ильюшка расплылся в улыбке:

– Что она не нарочно, что извиняется и просит принять пятьдесят долларов на лечение, потому что мы бедные и денег у нас мало.

– Так. Не нарочно, значит, из лука целилась, а сейчас под-
даёт нам милостыню. И что, ты после этого продолжаешь её любить?! Выкинуть надо эти деньги ей под окно и написать, что мы о ней думаем.

– Не смей! Как она кинулась меня спасать! Она хорошая, только неправильно воспитанная окружающей средой. Её просто надо перевоспитать. А насчёт лука, это она, наверное, хотела сбить твой плакат, вдруг кто-нибудь к ней зайдёт, увидит из окна и прочитает. Как она это сможет объяснить? И деньги не милостыня, а помощь на лечение. Вдруг у нас временные трудности.

– Тебе лечиться если и надо, то только от дурости, тут деньгами не поможешь. Снаружи у тебя голова здоровая, вот только ухо... Деньги вернуть! Это и будет для неё перевоспитание. А если ты их себе оставишь, я ей напишу, что ты

нарисовал на конверте с долларами сердечко и весь день носишь его на груди, а на ночь кладёшь под подушку. Не надувайся, а то второе ухо попорчу! Снимай бинт и отмывай «кровь», мама зовёт обедать. Надо же, опять тебе мыться. Бедный! А про ухо скажем, что пчела ужалила.

Когда на следующий день я проснулся, Ильюшка, уже чисто умытый, сидел и писал красным фломастером плакат с очередным посланием своей Рыжей. Я заглянул через его плечо.

«Спасибо тебе за твой добрый поступок, – было написано крупными буквами на картонке. – Деньги я тебе верну, а моя рана и так быстро заживёт. Я рад, что ты попала в меня из лука, потому что узнал, что у тебя доброе сердце. Меня зовут Илья Дубровин, а как зовут тебя, я уже знаю. Имя Лена мне очень нравится. Напиши мне, пожалуйста, ответ».

Мне ужасно хотелось высказаться насчёт «доброго сердца», но я сдержался. Вдруг ей это понравится. А если нет, то ещё лучше. И я сказал:

– Здрóрово написано. Припиши ещё, что ты сначала очень обиделся из-за денег, но простил, когда она выскочила тебя защищать. И ещё спроси, как отдать ей деньги. Может, сунуть в почтовый ящик или подкинуть к калитке, позвонить и убежать? И не забудь надеть на голову бинт с красным пятном, когда полезешь показывать своё послание. Ты ещё не оправился от тяжёлой раны.

– Не забуду, – сказал Ильюшка. – А ты кончай выпендри-

ваться. Когда ты на балконе всякие геройские позы изображал и скакал как козёл перед этой, с розовыми бантами, я тебе хоть слово сказал? За советы – спасибо. Но не приставай, старший брат, если мне они не понравятся.

Я как услышал такое, просто онемел! Я?! Геройские позы?! Да я ему сейчас... И вдруг до меня дошло: а ведь он прав. И правда изображал: и мудрую задумчивость на лице, и мускулы напрягал, и ногами, как в карате, дрыгал... Наверное, совсем дураком выглядел, а Ильюшка не издевался, даже не хихикнул ни разу. И мне стало стыдно.

– Ты перепиши чёрным цветом или синим. Лучше будет видно издалека, – сказал я и пошёл умываться.

В следующий раз нам удалось залезть на дерево только после обеда, когда мама прилегла отдохнуть и заснула. Окно в комнате рыжей Ленки было открыто, но её видно не было. Мы уселись поудобнее и стали ждать. Через некоторое время к замку подкатили два здоровенных «джипа», ворота распахнулись, и «джипы» вкатились во двор. Из них выскочили охранники, один из них открыл заднюю дверь, и из неё вышел мужик, тот, что помельче.

– Хозяин, – шепнул я брату, и он кивнул.

От ворот к «джипу» побежал охранник в камуфле, который драл Ильюшку за ухо.

– Пал Сергеич, тут происшествие такое случилось! Леночка на улицу выскочила! – крикнул он. – Только я её сразу

поймал и отнёс домой.

Этот Пал Сергеич дёрнулся, будто его укололи.

– Как это?! А вы все куда смотрели?! Давай за мной! –
скомандовал он, и они вошли в дом.

Мы с Ильёй долгим взглядом посмотрели друг на друга.

– Ничего себе, – наконец выдохнул я. – Ну и жизнь. Прямо тебе домашний арест. На неё охота идёт, что ли?

Ильюшка побледнел.

– Что ей теперь будет за то, что она выскочила на улицу?
И деньги мне выбросила? А если её отошлют куда-нибудь в
другое место, в Англию например, и она уедет отсюда? *Эти*
всегда отправляют своих детей в Англию.

Я только вздохнул. Бедный!

Тут в окне появилась Рыжая. Брат сразу заволновался и
стал вытаскивать свой плакат. Не знаю почему, но мне вдруг
не захотелось, чтобы он его сейчас показывал, и я толкнул
его ногой. Он понял меня и замер. Рыжая поглядела на на-
ше дерево, потом вниз, на улицу, и вдруг оглянулась, и мы
услышали из её комнаты громкий сердитый голос:

– Елена! Что это значит?! Ты почему выскочила на улицу?
Сколько раз нужно тебе говорить, чтобы ты не смела этого
делать! Ты что, хочешь, чтобы тебя украли? Господи, поду-
мать страшно! И что это ещё за переписка? Кому ты писала
и что? Отвечай сейчас же!

Рыжая теперь стояла к нам спиной, что она отвечала, мы
не слышали. Зато этого Пал Сергеича слышали хорошо:

– ...За что извинялась?.. Не ври! Под окном сетка, не могла ты случайно уронить гайку на него. А лук почему здесь? Стреляла в него? Ты с ума сошла! А если бы ты в него попала? Зачем?.. Какие там рожи строил, не выдумывай. Даже если и строил, это не повод в человека стрелять. Ты что, дитя малое? Наплевать не могла на какого-то проходимца!

Я глянул на Ильюшку – он дёрнулся и опять замер.

– ...Я в людей стрелял?! Никогда не говори о том, чего не понимаешь! И как посмела Фёдора колотить?.. Конечно, ничего с ним не случилось, но он взрослый человек, а ты – девочка. И он исполнял свою работу. Мне пришлось извиниться и заплатить ему за обиду!.. Не груби. Это не твоё дело, обеднею я от этого или нет. Кстати, откуда он, этот щенок? Ты его раньше видела? Из дома напротив? Хозяева участка объявились, что ли?.. Придётся и им заплатить, я по пустякам с населением ссориться не хочу. Мне лишние хлопоты не нужны. А тебе нечего с ними общаться.

Меня как ошпарило. Ну, гад! Не соседи мы ему, а население! Одни хлопоты ему от нас, и общаться с нами им нечего! Ну и нам с ними – нечего! Деньги эти нужно бросить им во что бы то ни стало, и поскорее. Ух ты... А если он соберётся, чего доброго, нам платить? Пришлёт своего амбала с деньгами! Мама изумится, начнёт выяснять, возьмётся за нас, скажет папе... Ой, что начнётся!

– ...Хорошо, будем надеяться, что твоих извинений достаточно.

Уф! Отлегло. Ай да Рыжая! Тоже поняла, в какую беду нас чуть не втащила. Умная, однако. Впрочем, о себе она тоже заботилась. Ей бы тоже досталось.

Этот Пал Сергеич постепенно утихал, но всё равно его было хорошо слышно:

– Совсем разбаловалась! Всё, что хотела, получила: теннис, лошадь, бассейн, лук. Тренеры чуть не ежедневно, компьютер с любыми играми, книг полно, а ей, видите ли, скучно!.. Нет, к Интернету не подключу, с отцом начнёшь переговариваться, а мать это запретила... Нет, пусть она решает... Сегодня я звонил ей, скоро приедет, а до этого велела ничего не предпринимать... С друзьями зимой в школе увидишься... Никуда не убежишь, уж я об этом позабочусь. И учти: ещё одна такая выходка, прикажу оконный проём затянуть стальной сеткой: даже не плюнешь за окно. А вещи свои всё-таки убирай сама, порядок в жилье должен быть. Ну, ладно, надеюсь, до тебя дошло.

Всё стихло. Минуты две Рыжая ещё стояла у окна, потом исчезла и она.

– Ну что, проходимец, – сказал я, когда мы слезли с дерева. – Как любовь? Конверт этот с долларами сегодня же кинем к их калитке и записку вложим, чтобы забирали их обратно. Её записочку можешь оставить себе.

– Нет, – твёрдо ответил Ильюшка. – Я сначала должен поговорить с ней. Ну, написать ей. И отдать, кому она скажет.

Я промолчал. Когда он так говорит, спорить бесполезно. Мы сидели за сараем и думали. Интересная складывается картинка. Выходит, этот Пал Сергеич ей не отец? А кто отец? И почему ей с ним не разрешают переписываться и даже видеться? Причём мать не разрешает, а этот Пал Сергеич её слушается. Кто же она такая? А с этой Рыжей говорит как с дочкой. Ага, всё ясно, её мамаша развелась с её родным отцом и вышла замуж за богатого, а родной папаша или пьёт, или отсидел в тюрьме, вот мать и не хочет, чтобы дочь с ним встречалась. А может, наоборот: он хороший человек, и дочь хочет убежать к нему, вот её и стерегут! И даже Интернет отключили, чтобы она с ним не связалась.

Ну и ну! Так и сидит одна, а мать куда-то уехала, развлекается наверное, а она всё время одна. Этот Пал Сергеич ей всего накупил, чтобы не скучала, а живого человеческого общения со сверстниками не обеспечил. Да-а, тяжело. То ли

дело у нас: брат всегда рядом, мама с папой каждый вечер с нами дома, ребят всегда можно позвать. А здесь, на даче, вообще блеск: можно возиться с папой в сарае, помогать ему усовершенствовать душ на участке, спорить с ним, прятаться, когда он в гневе, маме помогать на огороде, сидеть вечером всем в обнимку и смотреть телик... Рассказывать о своих делах... Ой, да всего не перечислишь. А у неё ничего этого нет!

– Вот бедняга, – сказал я наконец. – Как же она без отца, без матери?

Ильюшка не ответил, и я понял, что он подумал то же, что и я.

– А если бы наши развелись, что с нами было бы? – вдруг спросил он. – Нас бы поделили: тебя – маме, меня – папе? Или наоборот?

Он это как-то так сказал, что у меня всё внутри похолодело.

– Ты что?! – закричал я в ужасе. – Наши никогда не разведутся. Что они, дураки, что ли? А если начнут разводиться, мы им такое устроим...

– Ну и что мы им сможем устроить? – снисходительно, как взрослый, спросил Илья. – Убежать и то не сможем. Папа со своими быстро найдёт, а найдёт – так вложит, что второй раз не побежишь. Да и куда бежать? Не к шпане же воровать или на вокзалах попрошайничать. Придётся терпеть.

Он задумался, а я молчал и ждал.

– Нет, наши не разведутся, – сказал он вдруг твёрдо.

И мне стало легче.

– А может, для неё и лучше, что родители развелись. Может, ей деньги больше нравятся: по магазинам ходить, по всяким тусовкам, в школе отметки – за деньги, в институт – за деньги, а потом муж – чей-нибудь сыночек из банка или Газпрома. Так и проживёт жизнь в полном своём счастье. А может, её родной папаша такой, что от него мать не зря ушла? Это наши с тобой родители – оба самые лучшие, а у неё?

Ильюшка ничего не ответил.

Когда на следующий день брат показал Рыжей приготовленную записку, она разулыбалась и даже слегка поклонилась. Потом исчезла из окна и снова появилась со своей запиской, напечатанной здоровенными буквами на компьютере: «И не думай! Подарки не возвращают». Ничего себе! Только что была плата за битую морду, а сейчас уже подарок. Предусмотрительный Ильюшка втащил с собой на дерево пачку картонок, три фломастера – чёрный, синий и всё-таки красный, выделять особо важные места, так что он сразу схватился писать. Прочитать, что он пишет, я не мог, только угадывал по её ответам:

«Нельзя, вся почта проверяется. Письмо передадут Пал Сергеичу, а он деньги заберёт и начнёт разбираться и чего придумает – неизвестно».

Пал Сергеич. Точно не отец.

«Я в электронку войти не могу: Пал Сергеич мой Интернет не оплачивает. И мобильник забрал»:

Интересно, как это Илья собирается переписываться с ней по «емельке»? Наши-то ноутбуки дома, в Москве. А к своим папа с мамой нас не подпустят. У мамы попросить можно, но она обязательно спросит для чего. Илья, конечно, ни за что не признается, а соврать так, чтобы мама поверила, в этом случае невозможно. И чем это тогда кончится, неизвестно.

«Нет, не могу сказать. Может быть, потом, я ведь тебя ещё не знаю. Ой, меня зовут, пока...» – И Рыжая исчезла.

– А я знаю, что нужно сделать, – сказал я, когда мы слезли. – Узнай, как оплатить её Интернет, мы сделаем это из её же денег. Попробуем насесть на родителей, чтобы привезли наши ноутбуки, скажем, что хотим позаниматься, а то за лето всё позабудем. Папа, конечно, не поверит, но тут можно сказать, что должны же мы взрослеть, наконец, – сам сто раз нам это говорил, – поклясться, что не будем играть в стрелялки-догонялки, и он не устоит. А пока с маминого ноутбука пошлѐшь, когда мама в огороде будет или уѐдет куда-нибудь. А я послежу, чтобы тебя не застукали. Только ты уж после себя всё аккуратно сотри, чтобы мама ничего не заподозрила, а то, если она ваши послания найдѐт, под такой допрос попадѐшь, что сам не заметишь, как во всѐм признаешься.

Илюшка ничего не ответил, но я его хорошо знал, и мне было ясно, что он всё внимательно выслушал и мне благода-

рен.

На следующее утро я ещё доедал завтрак, а чисто умытый брат с бинтом на голове уже сидел на дереве с готовым посланием и дожидался свою Рыжую. Когда я залез к нему, он уже весь измаялся от ожидания. Мы молча прождали ещё минут десять, и наконец она появилась в окне.

Хи-хи, а ведь она готовилась к свиданию, честное слово! Кофточка на ней была обалденная, на шее тонкая золотая цепочка с какой-то посверкивающей висюлькой, и причёсана по-новому. Красивая – до невозможности! А если она тоже влюбилась?! Ай да братец! Ну теперь совсем трудно станет.

Ильюшка, как её увидел, даже про свою записку забыл – глаза вытаращил и застыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.